

Когнитивные исследования

**ФИЛОСОФИЯ НАУКИ
С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ
ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОГО МАТЕРИАЛИЗМА**

Э.А. ТАЙСИНА

Предисловие

Сегодня наука, являясь способом получения новых знаний, сама является объектом исследовательского интереса со стороны множества специальных дисциплин, таких как культурология, социология, психология, науковедение и др. При этом все большей критике подвергается традиционный подход к изучению науки и ее объяснению – гносеологический. Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что одни лишь философы сомневаются в продуктивности гносеологии. Ученые, чья деятельность связана со специальным знанием, таких сомнений бывают лишены. В их мнении наука предстает как высшее проявление интеллектуального могущества человека и всего человечества, являя собой одновременно *принцип продуцирования, процесс и результат целенаправленного приобретения знаний*, «пирамиду» познавательных ценностей. Вершиной пирамиды всегда была *объективная истинность* научных знаний, ибо необходимость в ней соответствует наиболее важным познавательным интересам человеческого рода. Излишне упоминать, что в формате, например, кантианской философии науки, детища «лингвистического поворота», эта познавательная ценность предстает в непонятной связи (или вообще вне связи) с действительностью – либо же представляется парадоксально существующей в отсутствии «объективного» референта.

Однако появление новых подходов к изучению науки не отменяет приоритета гносеологии, которая по-прежнему обладает предельно высоким объяснительным потенциалом. И каждый раз это необходимо доказывать заново, ибо каждая новая науковедческая дисциплина является новым вызовом классической теории познания.

О гносеологическом подходе

Не все авторы предлагают отбросить классику. Многие философы, размышляя над проблемами познания, говорят о возможном продолжении существования классической, но усовершенствованной гносеологии. Предлагается, например, применить «современные представления о бытии идеальных сущностей и виртуальных реальностей» (Л.А. Микешина)¹. Тогда «субъектно-объектное различие» перестанет мешать «живому» познанию, консерватизм и натурализм гносеологии будет преодолен, как и бесплодная беспомощность перед проблемами XX и, надо думать, XXI вв. Высказывалась и недвусмысленная критика теории познания как «философии веры» (Поппер) – с сопутствующим предло-

жением отказа от нее. А такие философы, как М. Хайдеггер, Дж. Дьюи, Л. Витгенштейн этот отказ реально совершили, не пускаясь в дискуссии и заменив гносеологию своей онтологией. В западных странах легитимной, как известно, считают только эпистемологию — теорию *научного* познания и даже просто теорию *знания*. Парадокс состоит в следующем. От старого образа отказываются, потому что гносеология все, что выходило за рамки структуры основного познавательного отношения, рассматривала как иррациональное и, следовательно, ненаучное. А требование критики относительно модернизации теории познания состоит именно в возвращении на предметное поле всего «живого», = иррационального: антропологических, герменевтических, персоналистских смыслов; вне-научного знания, повседневности и пр.

Отмечу только, что у Л.А. Микшиной имеется хорошее определение теории, подходящее для гносеологии: это комплекс взглядов, представлений, идей, направленных на объяснение, интерпретацию знания и познавательной деятельности².

Объективистскую и эссенциалистскую позицию снисходительно критиковал сам Гегель. Он писал в «Малой логике»: «Первым отношением мысли к объективности является *наивный* образ мышления в себе самому себе, содержит *веру*, что *посредством размышления познается* истина и что она обнаруживает перед сознанием то, что объекты суть поистине. В этой вере мышление приступает прямо к предметам, репродуцирует из себя содержание ощущений и созерцаний как содержание мысли и удовлетворяется этим содержанием, видя в нем истину. *Все начальные степени философии, все науки и даже повседневная деятельность и движение сознания живут в этой вере*»³ (Курсив мой. — Э. Т.). Мы не убоимся занять эту наивную («нативную») позицию и стартовать именно с нее.

Возьмем конкретные примеры из области развития специальной науки, физической географии. (Это, с нашей точки зрения, единственная наука, которая с полным правом может пользоваться критерием очевидности.)

Работа ученого-географа начинается с полевых наблюдений. Совершенно необходимый этап в накоплении научного знания — осознанное принятие принципа всеобщей взаимной связи. Если перед исследователем карстовая воронка, — значит, на ее днище холодный микроклимат. Если это междрожное понижение в лесу — жди чернично-мшистого бора. Суховершинные ивы на кочкарном болоте — недостаток меди в почве, и т.п. То есть не просто принятый на веру в университетских стенах, но и выработанный в ходе трудной работы этот принцип, как потом обнаружилось, является основой не-механистического философского материализма, который я именую экзистенциальным.

«Феория» ведется при помощи обоих видов зрения: физического и умственного. Не чувственный опыт как таковой, но его абстрактные модели, работа с ними позволяют делать открытия. Покажем, как действует на организацию научных знаний о фактах принятая теоретическая модель объекта.

В географии существует такой термин, как «термокарст». Огромные кольцеобразные структуры, округлой формы, неглубокие, еле заметные на местности, с характерным плоским днищем — «аласы» — свидетели залегания вечной мерзлоты — могут достигать сотен метров в диаметре, их нелегко обнаружить в ходе полевых наблюдений (много помогает аэрофотосъемка). Предположить на нашей широте в 55° (Казань) существование аласов, — а до сих пор считалось, что они располагаются только в Якутии, — смелая гипотеза, но это предположение опирается на мировоззренческий принцип единства мира.

Можно точно также разобрать конкретные примеры работы специалиста в области сравнительно-исторического языкознания (например, истории английского языка). Возьмем древнеанглийский текст о путешествиях богатого норвежского купца Охтхере — перевод короля Альфреда «Мировой истории» испанского священника Орозия. Не только сам по себе ранний уэссекский диалект представляет интерес для лингвиста. Собственные вставки Альфреда содержат довольно богатый географический и этнографический материал. Вот как начинается рассказ Охтхере о его первом путешествии, в Белое море.

Ōnthere sáde his hlāforde, Æflfrēde cyninge, þæt hē ealra Norðmonna norþmest būde. Охтхере сказал своему господину, королю Альфреду, что он из всех северных людей всего дальше побывал (господин, лорд означает буквально — «хозяин хлеба»).

Hē cwæð þæt hē būde on þæm lande norþweardum wip þā Weastsæ. Он сказал, что был на той земле в направлении к северу от Западного моря (Атлантического океана).

He sáde þeah þæt þæt land sīe swiþe lang norþ þonan; он сказал потом, что та земля очень далеко простиралась на север; ac hit is eal wēste, būton on fēawum stōwum stycsemælum wīciað Finnas, on huntode on wintra and on sumera on fiscade be þære sá. Но она вся пустынна, однако кое-где (на некоторых местах, там и сям) живут финны, на охоту [выходя] зимой и на рыбную ловлю летом.

Из этого текста мы можем видеть, насколько древними и прочными являются глаголы бытия, обозначения сезонов и основных занятий северных людей. Одна деталь способна взволновать лингвиста: þā Finnas, him þūhte, and þā Beorðmas spræcon nēah ān gefēode. Финны, подумалось ему, и пермяки говорят почти на одном и том же языке⁴. Угро-финском. Эти лингвистические наблюдения велись не в XIX в., как можно было бы подумать (например, Вильгельмом фон Гумбольдтом, родоначальником сравнительно-исторического языкознания), а в IX в. путешествующим купцом. Так может ли удивлять лингвиста сообщение о том, что Витгенштейну в XX в. «открылось» фамильное родство языков... Однако эти примеры — не самоцель; они должны служить утверждению плодотворности или, как сейчас говорят, продуктивности гносеологического подхода в философии науки. Отходя от предварительной стадии интуитивного, по сути, знания о существовании объекта, можно предпринять не только онтологическое вопрошание «почему» и эпистемологическое вопрошание «как», но и собственно теоретико-познавательное движение

к истине. Я не вижу никаких причин против того, чтобы, как раньше, считать науку, прежде всего, средоточием обширного знания. Гносеологический подход позволяет установить познавательное отношение, утвердить активность субъекта и объекта познания даже на стадии наблюдения, распознать ступени познания, способы организации знания на каждой из них, установить классические критерии проверки его истинности.

О логико-эпистемологическом подходе

Этот подход необходим и достаточен для логики и методологии науки. (Однако с точки зрения экзистенциального материализма, для философии науки он лишь необходим, но не достаточен; нужны все три, указанные в предисловии.) Гносеологический подход имеет первенство, в том числе историческое, перед логико-эпистемологическим. Современный английский философ Джонатан Беннетт писал в книге «Учения шести философов»: «Относительно веры в «существование тела» [the belief in «the existence of body»] можно задаться двумя вопросами. (1) «Что является причиной этого?» Стараясь ответить, мы приближаемся к натурализму [we approach the belief in a naturalistic way], действуя, как если бы мы объясняли погодное явление или эпидемию. (2) «Что подтверждает это <существование> (если вообще подтверждает)?» Это влечет [invites] исследование значения аргументации или свидетельства в пользу (указанной) веры... Итак, у нас имеется натуралистический, каузальный поиск [inquiry] и нормативный, аналитический»⁵. Второй подход, подчеркивает автор, привлекает и контент-анализ, а не только inquiry о методе. В обоих случаях объединяются вопросы «что» и «как».

Как видим, здесь присутствуют примерно те же оппозиции, что и в «Философии науки от А до Я» Статиса Псиллоса⁶, но Беннетт начинает как бы с «нулевого», предварительного вопроса (а не с первого), а именно — с (онтологического) убеждения в существовании «тела». Далее этот автор назовет «необходимым предисловием» («нулевым» по отношению к лицензионным критериям. — Э. Т.) вопрос относительно сущности наших мыслей и верований (гносеологический вопрос).

Для начала это можно объяснить следующим соображением: для того, чтобы довериться правилам и лицензировать набором норм некие суждения в качестве истинных, нужно убедиться в истинности (критериальной валидности) этих норм. «Дело в том, что всякий раз в определение истинного включается указание на некоторые признаки: но в каждом конкретном случае необходимо уметь решать, истинно ли то, что эти признаки наличествуют»⁷, т.е. чтобы установить правила, их нужно предварительно опознать как... достоверные. За ними, как и за тем, что они будут «правиль», должно уже наличествовать понимание истины. Это не означает, что вторую позицию можно игнорировать, ведь на ней основано, например, влиятельнейшее направление XX в. — аналитическая философия. Однако несомненно, что вопрос об истинности самих критериев не проще, а значит и не «первичнее», нежели вопрос об истинности.

Вспомним теперь диалог Платона «Евтифрон», чтобы продемонстрировать, какие именно первоначальные рассуждения постепенно привели к выделению эпистемологии из общей гносеологии и эллиптической фигуре истинности: утверждения истинны потому, что они *признаны* таковыми – или они признаются таковыми потому, что они *истинны*...

Фрагмент 10. Сократ задает следующий вопрос: Благочестивое [«богоугодное»] любимо богами потому, что оно благочестиво, или оно благочестиво потому, что его любят боги?

Фрагмент 10 с. Сократ проводит аналогию «благочестивого» [«богоугодного»], «любимого» и «рассматриваемого» («являющегося»). На нечто являющееся смотрят не потому, что оно является рассматриваемым, но, наоборот, оно является рассматриваемым постольку, поскольку на него смотрят... «Значит, ясно, Евтифрон, что я хочу сказать, а именно: если нечто является чем-то и что-то испытывает, то не потому оно является, что бывает являющимся, но оно являющееся потому, что является, и не из-за того оно нечто испытывает, что бывает страдающим, но страдает из-за того, что нечто испытывает». Сказано материалистически.

Парный вопрос: не потому ли нечто благое любят любящие его, что оно любимо, но оно любимо, поскольку его любят?

Фрагмент 10 d. Сократ: ...Значит, его любят потому, что оно благочестиво, а не потому оно благочестиво, что его любят? – Евтифрон: Очевидно.

И во фрагменте 10 e диалектический, или парадоксальный, Сократ делает выводы:

1. Мы признали, что благочестивое любимо потому, что оно благочестиво, а не благочестиво потому, что любимо.

2. Мы признали, с другой стороны, что богоугодное является таковым потому, что его любят боги, но не потому оно любимо, что богоугодно.

Фрагмент 11 подводит итоги. Одному свойственно быть любимым потому, что его любят боги, а другое любят, потому что ему свойственно быть любимым⁸.

Утверждения могут быть истинными потому, что они *признаны за истинные* – или они признаются *за истинные* потому, что они *истинны*. Этот эллипс, или, как уже указывалось, совершенный герменевтический круг хорошо демонстрирует «ленту Мёбиуса», в которую сворачивается переход между гносеологией и эпистемологией.

Оценочные суждения противопоставляли причинному пониманию и Риккерт, и Виндельбанд, и другие классики новейшего времени (след Юма и Канта). Собственно, первыми взяли в фокус внимания оценочные суждения еще скептики. Вернемся, однако, к рассуждениям Дж. Беннета. Не очень понятно, зачем он непосредственно привязывает решение самостоятельного метафизического вопроса о существовании (the question «On the existence of body») к вопросу о причине существования (causal inquiry); ведь и в логике, допустим, генетическое определение вполне отчетливо отличается от экзистенциального и следует за ним. Эта привязка дает возможность отнести большинство научных рассуждений по ведомству «эмпирической психологии»...

Вернемся, однако, к рассуждениям Дж. Беннета. Он обращает внимание читателя на распадение и обратное совпадение того, что можно назвать объективными и субъективными причинами. «Резоны (доводы, reasons), которые заставляют [lead] человека поверить [to believe] “P”, — продолжает разъяснение британский философ, — могут быть причинами этого [обретения людьми этой уверенности; в оригинале: can be causes of their doing so]: [фраза] “Он верит, что P, потому что он верит R и считает его доводом для P” [“He believes P because he believes R and takes it to be a reason for P”] может показать нам, что объективно заставяет его [букв. “причиняет”, causes] верить P». R здесь — «субъективная» причина для доверия, «резон».

«Некоторые философы думали, что если существуют объективные причины обретения убеждения [if you are caused to believe], то это воспрещает (букв. «блокирует», blocks) вам верить на основании доводов — как будто бы объективные причины [causes] и логические доводы [reasons] соперничают в борьбе за определенную роль в жизни сознания... Но сегодня большинство не согласится с этим...»⁹

Как все же остановить уход в регресс «доказательства истинности оснований истинности...»? Как узнать, что критерий «с» достаточен для знания?

Греческий философ Статис Псиллос поясняет, что подобная стратегия ведет либо к регрессу («...because I have used another criterion c'»), либо к кругу («...because I have used criterion c itself»), либо к догматическому прерыванию движения («...because criterion c is sufficient for knowledge»)¹⁰.

Видимо, наилучшую службу эпистемологический подход сослужил аналитической философии. Приверженцев этого подхода объединяет самолюбивое осознание того, что они «воплощают в себе этос этого подлинного философствования в современном мире»¹¹. Еще Р. Карнап на страницах «Erkenntnis» заявлял, что философствование началось в виде эмоциональных поисков и рискует ими же закончиться, если не займется логическим анализом языка науки. Не останавливаясь на этом специально, выражу согласие со следующей оценкой, данной в последнее время отечественным философом (с чьих слов процитирован здесь Карнап): «Аналитическая философия оформляется как своеобразная методологическая реакция на “классические” способы философствования, как противопоставление “гносеологической стерильности” и созерцательности идеализма, и видит в философии прежде всего не теорию, а метод “философского анализа”, и пытается переориентировать философию на исследование языковой проблематики и науки»¹². В целом же этому подходу было уделено достаточное внимание в первой части нашей статьи.

Современные аналитические философы, «не ограничиваясь языковыми и методологическими средствами науки, ставят проблемы метафизики, онтологии, истории философии, методологии науки и техники, этики и права, философии языка, эстетики, теологии, социальной философии, философии истории, политической истории, социологии, этнографии и т.д.»¹³.

В книге Л.А. Микешинной «Философия науки: современная эпистемология»¹⁴, дабы «вырваться из пут традиционной гносеологической концепции, несущей на себе явные следы созерцательного материализма»,

предлагается обогатить ее. «Познавательный процесс, несводимый к отражательным процедурам получения чувственного образа как «слепок» вещи, предстает сегодня в системе интерпретирующей деятельности субъекта, опосредованной различными по природе — знаковыми и предметными — репрезентациями, конвенциями, интерпретациями, содержащими не только объективно-сущностные, но и релятивные моменты социального и культурно-исторического опыта»¹⁵. Позиция экзистенциального материализма близка к указанной.

Из беседы двух отечественных философов:

— И.Т. Касавин: Как Вы полагаете, можно ли знание понимать дуалистически, как «составленное» из двух аспектов — когнитивного и социального? Где кончается эпистемология и начинается психология или социология познания?

— В.А. Лекторский: Сегодня философам, исследующим проблемы эпистемологии, приходится всерьез считаться с результатами развития когнитивных наук... Речь идет... и о социальном и культурологическом исследовании познания... Думаю, что это единственно плодотворный путь развития современной эпистемологии. Она должна выходить на воздух реальной жизни из той башни, в которую сама себя заточила в последние десятилетия¹⁶.

О социально-философском подходе

Истинные знания могут быть получены и без обращения к науке, при помощи интуитивной логики и здравого смысла, и философия науки сейчас должна это учитывать. О расширении сферы ее интересов сегодня пишут очень часто¹⁷. Знания приобретаются человеком во всех формах его деятельности, в обыденной жизни, политике, экономике, искусстве, инженерном деле, хотя в упомянутых областях это не является главной задачей, **в то время как для науки это решающая цель**. Научные знания, так же как и способы их получения, организации, трансформации, хранения и передачи, можно делить на *традиционные* и *нетрадиционные*. Такая дифференциация хорошо сочетается с парсоновской классификацией традиционных и современных социальных систем. Интересен дополнительный, социологический критерий истинности научного знания. В знаменитой Сильной Программе Социологии Науки Д. Блупа и С. Барнса (см.: *Bloor D. Knowledge and Social Imagery. — The University of Chicago Press, 1991*) изложен принцип: научные объяснения должны быть *симметричными*. Это означает, что одни и те же причины должны объяснять появление как истинных, так и ложных (или считающихся таковыми) теорий. Физиолог объясняет одними и теми же причинами и здоровье, и болезнь; инженер — и работу, и поломку машины и т.д.¹⁸

Субъект науки — фигура ученого — это особая социальная ценность. Это люди большой культуры, широких и разносторонних интересов. Сегодня это поначалу обитатель «индивидуальной культурной лаборатории», в которой вырабатываются основные смыслы и ценности, определяется отношение к внешней (предпосылочно-предметной) и внутренней (оперативно-нормативной) социальности. Затем познающий субъект,

сравнивая эти виды социальности, самоопределяется по отношению ко всей доступной культуре, выбирая наиболее близкие себе формы, и устанавливает внешесоциальные связи. Постепенно из его круга общения выходит и распространяется то, что называется традицией¹⁹.

В современной западной социологии науки, начиная с середины XX в. принято говорить не об интеллигенции, но о *классе интеллектуалов* – knowledge class. Первыми о нем стали писать Р. Дарендорф, Дж. Гэлбрейт, А. Турен (последний указывал, в частности, на репрессивную роль этого класса). Его признаки: высокий статус, определяемый научной компетентностью, высокие стандарты образования, независимость от собственников средств производства, неотчуждаемая собственность на информацию и умение пользоваться ею, исключительная мобильность и востребованность во всех других слоях и классах, доминирующее положение в постиндустриальном обществе и отсюда – способность вытеснять простой живой труд из производства и служить основой всех иных расслоений. Современные теоретики постиндустриального общества считают класс интеллектуалов самовоспроизводящейся замкнутой общностью²⁰.

Можно назвать три основные области исследований, которыми занята социология науки:

- социальная структура и этос (а более широко – культура) науки;
- проблема взаимодействия науки и общества;
- социология знания²¹.

Последняя должна «принимать во внимание не только деятельность, но и поведенческую сторону активности человека, представленную в социологии традицией, связанной с именами Вебера и Шютца. Переосмысление самого предмета социологии знания привело к выделению в нем нового, «конструктивистского» направления, согласно которому научное знание является результатом *социального конструирования* реальности, которое должно исходить из «социологии повседневности», из «экзистенциальной детерминации мышления бытием человека в мире»²². Степени различия между наукой, магией и религией, критерии научности, всеобщности положений, считающихся истинными, и др. могут сильно отличаться у разных философов науки, но их роднит единый подход. «Последний отличается от всех других и прежде всего от эпистемологического тем, что он не занимается выработкой неких общенаучных канонов “знания как такового” и их сравнением с реальным научным знанием. *Социология должна изучать все то, что считается в данном обществе “знанием”, что люди данной эпохи понимают под знанием, вне зависимости от того, как это знание соотносится с современными канонами рациональности*»²³.

В процессе социального конструирования реальности деятельность ученого направлена не на природу, а на работу с высказываниями. Всякое исследование, сделанное в рамках конструктивистской программы изучения науки, «характеризуется использованием так называемой *модели интересов*. Она основывается на предположении, что политические, религиозные и особенно профессиональные интересы ученых оказывают зна-

чительное влияние на содержание научного знания, в частности, влияя на процесс отбора конкурирующих теорий... При помощи... концепции “оппортунизма в контексте” вскрыта решающая роль профессиональных интересов ученых в принятии новой теории»²⁴.

Заметим теперь, что, с нашей точки зрения, оптимизм социологического подхода в философии науки обусловлен принципом, или установкой «функция от экспектаций». Энтони Гидденс разъясняет это следующим образом: «Подход этот я связываю с “двойной герменевтикой”, то есть с таким механизмом, когда, с одной стороны, развитие социального знания паразитирует на представлениях простых деятелей (agents), а с другой — понятия, выработанные в мета-языках социальных наук, постоянно возвращаются в универсум тех действий, ради описания и оценки которых они были сформулированы. Причем это не ведет к непосредственной прозрачности социального мира, поскольку социологическое знание одновременно входит в универсум социальной жизни и выходит из него, перестраивая при этом и себя, и социальную жизнь как составную часть данного процесса»²⁵. В романе В. Пелевина «Шлем ужаса» такой постмодернистский самопорождающий дискурс был назван «коровьим бешенством».

Наконец, в последнее время в философии науки определенно поставлен вопрос о том, в какой мере интеллект способен эффективно функционировать, находясь в зависимости не только от природного в человеке, но и от его культуры. Вспомним, Эвандро Агацци призвал в последнее время к аксиологии науки: философия науки должна начинать использовать концепты и инструменты, взятые не только из логики, но и из всего спектра философии, а также войти в диалог с иными аспектами человеческой культуры. Именно уровень культуры обеспечивает уровень эффективности реализации достижений науки.

С одной стороны, культурное наследие способствует генерации новых научных концепций в рамках данной парадигмы мышления, т.е. выступает как социокультурная программа научного поиска. С другой стороны, культура есть важнейший фактор социальной стабильности в процессе обоснования и выбора оптимальной стратегии развития науки и интеграции новых теоретических знаний в культуру эпохи, этноса, социума.

Уровень культуры характеризуют по-разному: в зависимости от традиций, языка, социальной памяти; уровни культуры различают по объему содержащейся информации, степени сложности, мере кристаллизации, синтезирования. Креативный уровень, опирающийся на уровень витального, не может быть ниже по отношению к тому, что называется философским (гегелевским) термином «тотальное». «Тотальное» есть в действительности та стадия духовности, которая называется нравственностью, и в ней доминирующими являются отношения между людьми по поводу добра и зла. Креативный же уровень находится на более высокой, если можно так выразиться, ступени «тотальности», причем он нимало не исключает потребности в другом человеке, но лишь преобразует эту внутреннюю потребность, придает ей

новую форму и содержание; ведь любое творчество, в том числе и научное, в своих продуктах опосредованно соприкасается с общечеловеческой культурой и другими творцами, с «человеческим» в человеке.

Наука как особая сфера культуры реализуется в системе ценностей, которая сформировала современную цивилизацию, часто называемую *техногенной* (посттрадиционной, индустриальной, рациональной, либеральной, модернистской, пострелигиозной и даже глобальной). Эта аксиология соединяет естественнонаучные идеалы точности и эффективности с этическими (гуманитарными) идеалами свободы и самоценности личности. Культура, сформировавшаяся под воздействием научного прогресса, очень сильно отличается от традиционной культуры, характерной для всех остальных цивилизаций. Произошло, по выражению Макса Вебера, расколдовывание мира. Изменение вместо сохранения становится главной его задачей. Свобода и равенство заявляются как приоритетные ценности человека, защищать которые призвано государство (и все общество). Если традиционные культуры создавали у человека бытийную ориентацию на прошлое, то общество техногенной цивилизации смотрит в будущее.

Для традиционного мышления будущее – это повторение прошлого, для современного – это продолжение прошлого в условиях необратимого исторического времени.

Если прежние цивилизации рождали технические приспособления, то ныне сама техника творит цивилизацию, определяет логику и темп ее развития.

Резюмируя, можно сказать, что в целом обобщенный социально-философский подход, позволяя «уменьшить перепроизводство разных подходов и школ» (В.А. Лекторский), уже принес свои плоды. Изучены влияние социокультурных факторов на структуру и развитие научного знания, социальная и когнитивная организация научных исследований, социальные последствия научно-технической революции и социальные контексты научных исследований и открытий. Произошла институционализация истории науки как академической дисциплины.

Бытие и познание совпадают в экзистенции «*Dabewußtsein*»; учение о бытии и учение о познании совпадают в экзистенциальном материализме. С этой позиции видно, что философия науки, лучшее и самое юное детище гносеологии, может адекватно понять свой предмет, поместив его в «жесткую» пирамиду: нативно-объективный (денотативный) аспект; синтактически-знаковый (формальный); содержательно-смысловой, или прагматический; и *сигматический*. Сигматика (отношение высказываний к действительности) должна стать необходимым дополнением этой системы. Взгляд, брошенный с одной из вершин на центральный предмет, обуславливает и траекторию движения, подхода к нему: гносеологический, эпистемологический, социально-философский, – каждый из которых необходим, а все вместе достаточны для построения удовлетворительной философии науки. Последний аспект наименее разработан – и наиболее перспективен. Исследования должны быть продолжены.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: *Микешина Л.А.* Философия познания. Полемические главы. – М.: Прогресс-Традиция, 2002. С. 28 – 29; 31.

² См. там же. С. 32.

³ *Гегель Г.В.Ф.* Энциклопедия философских наук. Т. I. Наука логики. – М.: Мысль, 1974.

⁴ *Смирницкий А.И.* Хрестоматия по истории английского языка с VII по XVII в. – М.: Изд-во лит-ры на иностр. яз., 1953. С. 25 – 26.

⁵ *Bennett J.* Learning from six philosophers. Vol. 2. Locke, Berkeley, Hume. – Oxford: Clarendon Press, 2001. P. 198.

⁶ См.: *Psillos St.* Philosophy of Science A – Z. – Edinburgh: University Press, 2007.

⁷ *Фреге Г.* Мысль: логическое исследование // Философия, логика, язык. – М., 1987. С. 21.

⁸ *Платон.* Собр. соч. В 4 т. Т. I. – М.: Мысль, 1993. С. 305 – 307.

⁹ *Bennet J.* Learning from six philosophers. V. 2. Locke, Berkeley, Hume. P. 199.

¹⁰ *Psillos S.* Philosophy of Science A – Z. P. 222.

¹¹ *Гаспаров И.Г.* Аналитическая философия сегодня: между философией языка и метафизикой // Аналитическая философия: проблемы и перспективы развития в России / Тезисы Всероссийской научной конференции с международным участием. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2012. С. 20.

¹² *Колесников А.С.* Роль аналитической философии в истории философии // Аналитическая философия: проблемы и перспективы развития в России. С. 30.

¹³ Там же. С. 34.

¹⁴ *Микешина Л.А.* Философия науки: современная эпистемология. Научное знание в динамике культуры. Методология научного исследования: учеб. пособие. – М.: Прогресс-Традиция; МПСИ; Флинта, 2005.

¹⁵ *Микешина Л.А.* Философия науки: современная эпистемология. С. 153.

¹⁶ *Касавин И.Т., Лекторский В.А.* Юбилейное интервью // Эпистемология & Философия науки. 2012. № 3. С. 54.

¹⁷ См.: *Тискин Д.Б.* Аналитическая философия в России: настоящее и будущее // Эпистемология & Философия науки. 2012. № 3.

¹⁸ См.: *Нугаев Р.М.* Современная социология знания: некоторые итоги и перспективы // Социология. 1997. № 8. С.10.

¹⁹ См.: *Касавин И.Т.* Миграция. Креативность. Текст. Проблемы неклассической теории познания. – СПб., 1998.

²⁰ Подробно см.: *Иноземцев В.Л.* Класс интеллектуалов в постиндустриальном обществе // СОЦИС. 2000. № 6. С. 67 и т.д.

²¹ *Нугаев Р.М.* Современная социология знания: некоторые итоги и перспективы С. 6.

²² Там же. С. 14.

²³ Там же. С. 9.

²⁴ Там же. С. 11 – 12.

²⁵ *Giddens A.* The Consequences of Modernity. – Polity Press, 1990 (цит. по: Контексты современности. Актуальные проблемы общества и культуры в западной социальной теории. – Казань, 1995. С. 16).

Аннотация

Продолжается обсуждение статуса и основных подходов к исследованию предмета философии науки. Предлагается выделить, наряду с гносеологическим и логико-эпистемологическим, еще один: интегральный, социально-философский, объединив для этого историко-критический, социологический и культурологический подходы. Эта генерализация позволяет избежать крайностей эмпиризма, «уменьшить перепроизводство разных подходов и школ» и вместе с тем учесть новые точки зрения на науку. Гносеологический, эпистемологический и социально-философский подходы, каждый из которых необходим, а все вместе достаточно, составляют опорную категориальную систему для построения удовлетворительной для экзистенциального материализма философии науки. Эта система напоминает семиотику с ее синтаксическим, семантическим и прагматическим аспектами. Есть еще один: сигматический аспект, отношение знаков к самим вещам.

Ключевые слова: наука, экзистенциальный материализм, гносеология, эпистемология, социология, культурология, истина.

Summary

This paper continues the discussion upon the status of philosophy of science same as upon the main approaches towards the subject of this discipline. In addition to gnoseological and logic-epistemological approaches, the integral one, generalising historical criticism, sociology and theories of culture, is put forward, and this is social and philosophical approach. The advantages of this generalization are evident: neither postmodern historical criticism in itself, nor sociology or theory of culture do reach philosophical level of thinking. From the point of view of existential materialism, science has to be regarded in a way that semiotics suggests: i.e., in confluence of natively-objective (denotative) aspect; syntactic-designative aspect; and sense-bearing (pragmatic) aspect. We might also speak of sigmatic aspect dealing with «the things themselves».

Keywords: epistemology, existential materialism, theory of culture, theory of knowledge, truth, science, sociology.